

# Глава IV. Падение гетмана. — Петлюровщина. — Большевизм

## Падение гетмана. — Петлюровщина. — Большевизм

Помещичья контрреволюция на Украине, в лице гетманщины, была безусловно явлением искусственным, насажденным насильно германским и австрийским империализмом. Ни одного дня украинские помещики и капиталисты не продержались бы на Украине в бурном 1918 году, не будучи поддерживаемы силой немецкой армии. По приблизительному подсчету, в австро-германских и мадьярских войсках, оккупировавших Украину, было не менее полумиллиона солдат. Возможно, что и более. Вся эта масса войск была планомерно распределена по Украине, притом в большом количестве там, где район был более революционный и бурный. Оккупационные войска с первого же дня вторжения на Украину стали рьяно охранять контрреволюцию; в отношении же трудового крестьянства вели себя как победители в стране побежденных.

Таким образом, на протяжении всего периода контрреволюции украинскому крестьянству пришлось бороться не только с ней, но и с массой австро-немецких войск. Но и при этой опоре контрреволюция не могла ни разу твердо стать на ноги, а с развитием крестьянской повстания начала постепенно разлагаться. Разлагались, конечно, от толчков этого повстания и австро-германские войска. Когда же последние, под дуновением революционного повстанчества, с одной стороны, и под влиянием политических переворотов в Австрии и Германии — с другой, перестали соответствовать своему назначению и стали отзываться на родину, вся украинская контрреволюция оказалась повисшей в воздухе. Дни и минуты ее жизни были сочтены. При этом слабость и трусость ее оказались настолько велики, что она не решалась даже оказать хоть какое-либо сопротивление. Гетман просто сбежал в наиболее безопасные от крестьянской повстания места — туда, откуда его искусственно вызвал к жизни германский империализм. А еще раньше гетмана разбежались помещики.

С этого момента на Украине начинают действовать три основные, крайне отличные друг от друга общественные силы — петлюровщина, большевизм и махновщина. Каждая из них, с

течением времени, вступила в непримиримо враждебные отношения с двумя другими. Для более точного изображения лица махновского движения нам следует сказать несколько слов о классовой и социальной природе петлюровщины. Это — движение национальной украинской буржуазии, стремящейся утвердить в стране свое политическое и экономическое господство. По-видимому, образцом политического устройства страны для нее является республика Франции или Швейцарии. Движение это в настоящее время несколько не является социальным, а исключительно политическим и националистическим. Те обещания улучшить социальный быт трудящихся, которые имеются в программе его, являются, собственно, данью революционному времени, флагом, под которым легче достигнуть своей цели.

Еще с первых дней мартовской революции 1917 года перед либеральной украинской буржуазией встал волнующий ее вопрос о национальном отделении от России. Широкие круги кулачества, либеральная интеллигенции, образованная часть украинцев примкнули к этому делу, положив начало политическому самостоятельному[4]\* движению. Руководители движения сразу же обратили серьезное внимание на солдатские массы украинцев, бывшие на фронте и в тылу. Их стали организовывать по национальному признаку в особые украинские полки.

В мае 1917 года руководителями движения был организован военный съезд, выделивший из себя генеральный военный комитет, который стал руководящим органом всего движения. После этот комитет был переименован в Раду[5]\*. В дальнейшем, в ноябре 1917 г., на общеукраинском съезде была сконструирована и утверждена в качестве парламента украинской демократической республики Центральная Рада. А ровно через месяц «универсалом» этой Рады была провозглашена самостоятельность и независимость украинской демократической республики. Таким образом, в период керенщины на Украине создавалась новая самостоятельная государственность, начавшая закрепляться по всей стране в качестве господствующей силы. Это была петлюровщина, получившая свое название от имени Семена Петлюры — одного из активных руководителей движения.

Развитие и закрепление на Украине петлюровщины в качестве государственной силы явилось ударом для большевизма, взявшего уже власть в Великороссии и распространявшего ее на Украину. Положение большевизма в Великороссии без всей Украины оказалось бы довольно затруднительным для него даже на первое время. Поэтому большевики поспешно двинули свои войска на Киев. С 11 по 25 января 1918 г. Киев был ареной ожесточенной борьбы между петлюровцами и большевиками. 25 января большевики заняли Киев, начав затем распространять оттуда свою власть на всю Украину. Петлюровское правительство и политические деятели движения эвакуировались в западную часть страны, протестуя оттуда против занятия Украины оккупационной властью большевиков.

Последние, однако, продержались в этот раз на Украине недолго — 2-3 месяца — и в марте-апреле 1918 г. ушли в Велико-россию, оставив Украину оккупационной армии австро-германцев. Этим воспользовались петлюровцы: их правительство, в лице Центральной Рады и кабинета министров, возвратилось в Киев на свои места. Из названия государства на этот раз убрали слово «демократическая», оно стало называться «Украинской народной республикой». Конечно, правительство этой республики, как всякое правительство, опиралось

прежде всего на войска и при въезде в Киев совершенно не спрашивало у народа, нужно ли оно ему или нет. Оно, пользуясь случаем, просто въехало в страну, объявив себя национальным правительством. Доказательством этому служила прежде всего сила штыка.

Однако и на этот раз петлюровцам не пришлось долго быть во главе государства. Для австро-германских властей, оккупировавших Украину, оказалось лучше иметь дело с прежними господами Украины — генералами и помещиками, нежели с петлюровцами. Они поэтому очень просто, на основании своих военных сил, удалили правительство петлюровской республики, заменив его единодержавным правительством гетмана Скоропадского. С этого момента начинается помещичье-генеральская реакция на Украине. В отношении этой реакции петлюровцы заняли политически революционную позицию. Они ждут теперь крушения ее, чтобы вновь встать во главе государства. Сам Петлюра подвергся тюремному заключению, а затем вынужден был уйти с политической арены. Но уже подходил конец контрреволюции гетмана, начинался ее развал под ударами повсеместного крестьянского повстанья. Чувствуя это, петлюровцы, еще до полного падения гетмана, начали организовывать свою власть в разных местах Украины и формировать войска. Обстановка чрезвычайно благоприятствовала этому. Крестьянство кипело и бурлило, сотни тысяч стихийных повстанцев ждали только первого призыва, чтобы пойти на гетманскую власть. Еще гетман находился в Киеве, а ряд крупных городов юга Украины были в Руках петлюровцев. Там же — в провинциях — был учрежден Центральный орган петлюровской власти — Директория. Петлюровцы спешили расширить и закрепить свою власть, пользуясь отсутствием на Украине других сильных претендентов на нее, главным образом отсутствием большевиков. В декабре 1918 года Скоропадский сбежал, и в это же время в Киев въехала петлюровская Директория во главе с Петлюрой и прочими чинами правительства народной республики.

Подъем среди масс населения был огромный. Петлюровцы постарались поставить себя в центре этого подъема в качестве национальных борцов. В короткий срок их власть охватила большую часть Украины. Лишь на юге, в районе крестьянского мах-новского движения, они не имели успеха, наоборот — встретили сопротивление и даже получили серьезные удары. Во всех же крупных центрах страны петлюровцы торжествовали, горделиво вывесив свой стяг. Господство самостийнической украинской буржуазии начало как будто налаживаться. Но это оказалось заблуждением.

Еще не успела новая власть встать прочно на ноги, как вокруг нее пошло разложение, вызванное классовыми противоречиями. Миллионы крестьян и рабочих, оказавшихся в дни свержения царя в сфере влияния и руководства петлюровцев, начали массами уходить от них, стремясь найти опору своим народным интересам и устремлениям. Основная масса разбрелась по селам и деревням, заняв там враждебные позиции в отношении новой власти. Многие ушли в революционные повстанческие отряды махновцев с лозунгами борьбы против идей и власти петлюровцев. Последние, таким образом, самым ходом событий так же быстро обезоруживались, как неожиданно и быстро они было вооружились. Их идея буржуазной самостийности, буржуазного единства нации, смогла продержаться среди революционного народа всего несколько часов. Горячее дыхание народной революции сожгло эту ложную идею, поставив носителей ее в беспомощное положение. А в это время с севера быстро шел воинствующий большевизм, искушенный в приемах классовой агитации

и проникнутый твердым решением овладеть на Украине властью. Ровно через месяц после въезда петлюровской директории в Киев туда вошли большевистские войска. С этого момента в большей части Украины вновь устанавливается коммунистическая власть большевиков.

## БОЛЬШЕВИЗМ. ЕГО КЛАССОВАЯ ПРИРОДА

В главе 1-й мы уже сказали, что все так называемое социалистическое строительство, весь государственный советский аппарат управления страной, новые общественно-политические отношения, — все, что проводится большевизмом в русской революции, является не чем иным, как осуществлением кровных интересов социалистической демократии, утверждением ее классового господства в стране. Крестьяне и рабочие, имя которых миллионы раз произносится всеу на протяжении всей русской революции, являются лишь мостом, по которому пробирается к власти новая каста — четвертое господское сословие.

Во время русской революции 1905 г. это сословие потерпело поражение. Достигнув руководства над рабочим движением, оно тогда намеревалось осуществлять свои идеи проторенным политическим путем, начиная со всем известной программы-минимум. Предполагалось на первое время низвергнуть царский режим и ввести в стране республиканский образ правления. И затем приступить к завоеванию власти в государстве парламентским путем, как это делается демократией в государствах Западной Европы и Америки. Как известно, в России в 1905 г. этот план демократии потерпел полную неудачу, не встретив необходимой поддержки со стороны рабочих и крестьян. Ошибочно некоторые объясняют поражение революции 1905 года мощной и грубой силой царизма. Причины этого поражения лежат глубже — в самом характере революции.

Еще в 1900-03 гг. волна массовых экономических забастовок прокатилась по югу России, захватила север и иные части ее. Движение пока что не формулировало отчетливо своих задач, но характер его — классовый, социальный — сказался сразу. Социалистическая демократия вошла в это движение извне, стремясь направить его на путь чисто политической борьбы. Благодаря своим многочисленным, прекрасно организованным партиям, захватившим все поле политической проповеди, ей удалось вытравить из движения живые социальные лозунги, заменив их политическими лозунгами демократии. Под ними шла революция 1905 года. Но именно потому, что революция шла под чуждыми народу политическими лозунгами, она потерпела поражение. Изгнав из революции социальные элементы, социальную программу трудящихся, демократия тем самым обескровила революцию, убив могучий порыв к ней народа. Революция 1905 года не удалась не потому, что царизм оказался слишком силен, а потому, что она, ввиду своего узкополитического характера, не могла поднять большие массы народа. Она подняла лишь часть городского пролетариата; крестьянство же во всей своей массе едва шевельнулось. Царизм, пошедший было на уступки, быстро оправился, когда увидел настоящее положение дел, и разгромил половинчатую революцию. Революционная демократия, руководившая движением,

разбежалась по границам. Но такой урок, как разгром революции, не мог пройти бесследно для нее. Его здраво учел большевизм — левое крыло демократии. Он увидел, что о чисто политической революции в России не может быть и речи, что массы волнует прежде всего вопрос социальный и что победоносная революция в России возможна лишь как социальное движение рабочих и крестьян, направленное к ниспровержению и политического и экономического режима современного строя. Империалистическая война 1914—1917 гг. лишь усилила и закрепила такое направление революции. Она, обнажив истинное лицо демократии, показала, что монархия стоит демократии, а демократия стоит монархии; что та и другая проявили себя одинаковыми хищниками и убийцами народных масс. Если и до этой войны в России уже не было никаких оснований для чисто политической революции, то империалистическая война убила саму идею такой революции.

По всему миру огненной полосой давно прошел великий раздел, разбивший современное общество на два основных враждебных друг другу лагеря: капитал и труд, — и сгладивший политические различия отдельных государств-эксплуататоров. Ниспровержение капитала как основы рабства — вот мысль, которой единственно живут массы, как только они обращают свои взоры к революции. К политическим переворотам прошлых лет они абсолютно равнодушны. Таково лицо действительности в России. Таково же оно в Западной Европе и Америке. Не видеть и не учитывать этого — значит непоправимо отстать от жизни.

Большевизм учел эту сторону действительности и быстро перестроил свою политическую программу. Он увидел грядущую массовую революцию в России, направленную на подрыв самих устоев современного общества: земельного, промышленного и торгового капитала, — увидел обреченный класс собственников города и деревни и сделал свои выводы: раз это так, раз могучий социальный взрыв в России неминуем, то демократия должна осуществлять свои исторические задачи при помощи этого взрыва. Она должна воспользоваться революционными силами народа, стать во главе их при низвержении буржуазии, захватить государственную власть и строить здание своего господства на основах государственного социализма. Это и проделал с успехом большевизм в момент до-октябрьского и октябрьского революционного движения масс. Вся его дальнейшая деятельность в обстановке русской революции будет лишь осуществлением в деталях государственного господства демократии.

Несомненно, большевизм — историческое явление не только русского, но и международного значения. Он — выразитель не только социального, но и психологического типа. Он выдвинул многочисленную группу лиц — цепких, властных, чуждых какой бы то ни было общественной и моральной сентиментальщины и не останавливающихся ни перед какими средствами в борьбе за свое торжество. И он же выдвинул соответствующего этой группе руководителя. Ленин не только вождь партии — он, что значительно важнее, вождь определенного психологического типа людей. В нем наиболее совершенно и могуче проявлен этот тип, по нем сверяется отбор и идет группировка боевых наступательных сил мировой демократии. Основной чертой психологии большевизма является утверждение своей воли путем насильственного устранения воли всех остальных, абсолютное подавление личности, низведение ее до неодушевленного предмета. В этих чертах нетрудно узнать древнюю господскую породу людей. И действительно, во всей русской революции большевизм проявляет себя исключительно властническими жестами. В нем нет

и тени того, что составит основную черту будущей подлинно социальной революции трудящихся — жажды работать, работать, не жалея рук, плеч и спины, работать до последних сил, до самозабвения во имя народного блага. Все его усилия, подчас огромные и упорные, свелись к созданию властнических органов, которые в отношении народа являются старой начальнической угрозой и окриком.

Остановимся несколько на тех преобразованиях, которые большевизм ввел в жизнь рабочих и крестьян, сообразно со своей коммунистической идеологией.

Национализация промышленности, земли, городских жилищ, торговли и избирательное право для рабочих и крестьян — вот основы чисто большевистского коммунизма. Конкретно «национализация» вылилась в абсолютное огосударствление всех форм народной жизни. Не только промышленность, транспорт, образование, органы продовольствия и т.д. сделались собственностью государства, но весь рабочий класс, каждый рабочий в отдельности, его труд и энергия; даже профессиональные и кооперативные организации рабочих и крестьян были огосударствлены. Государство — все, отдельный рабочий — ничто. Это главная заповедь большевизма. Но государство олицетворяется чиновниками, и фактически они являются всем, рабочий класс — ничем.

Национализация промышленности, вырвав рабочих из рук отдельных капиталистов, отдала их в более цепкие руки одного вездесущего хозяина-капиталиста — государства. Отношения между рабочим и этим новым хозяином те же, что были раньше между трудом и капиталом, с той лишь разницей, что коммунистический хозяин — государство — не только эксплуатирует трудящихся, но и карает их сам, так как обе эти функции — эксплуатация и наказание — совмещены в нем одном. Наемничество осталось в прежнем нетронutom виде, приняв характер государственной обязанности. Профессиональные союзы утратили все свои естественные права, превратившись в органы полицейского надзора над рабочими массами. Выработка тарифов, размер заработной платы, прием и увольнение рабочих, общее руководство предприятиями, распорядок внутри их и т.д., — все это составляет неотъемлемое право партии, ее органов или ее агентов. Роль же профсоюзов в этом и во всех прочих областях производства — чисто обрядовая: они должны поставить свои подписи под готовыми и не могущими быть опротестованными или измененными постановлениями партии.

Ясно, что во всем этом мы имеем дело просто с заменой частного капитализма капитализмом государственным. Коммунистическая национализация промышленности представляет собою новый тип производственных отношений, при котором экономическое рабство, экономическая зависимость рабочего класса концентрируется в одном кулаке — в государстве. Это по существу несколько не меняет положение рабочего класса к лучшему. Всеобщая трудовая повинность (для рабочих, конечно) и милитаризация труда — вот Дух национализированной фабрики. Приведем пример. В августе 1918 г. рабочие бывшей прохоровской мануфактуры в Москве, на почве недостаточной оплаты их труда и полицейского режима на фабрике, начали волноваться и угрожали бунтом. Они устроили несколько собраний на предприятии, разогнали заводской комитет, являвшийся партийной ячейкой, и взяли в счет платы за свою работу часть выработанной ими мануфактуры. Члены центрального! правления союза текстильщиков после того, как рабочая масса не пожелала

с ними разговаривать, рассудили дело так: поведение прохоровских рабочих набрасывает тень на авторитет советской! власти; более резкое выступление этих рабочих опозорит советскую власть в глазах рабочих других предприятий; этого нельзя допустить, а потому прохоровскую мануфактуру следует закрыть, рабочих распустить, на фабрике подготовить комиссию, которая! организовала бы твердый режим, и уже затем набирать новые кадры рабочих. Так и поступили. Спрашивается, кто же эти люди, три-четыре человека, так свободно распорядившиеся судьбой многотысячной рабочей массы? Были ли они поставлены на свои посты массой и наделены ею такой большой властью? Ничуть не бывало. Их назначила партия, и в этом их могущество. Приведенный пример — один из тысячи. В нем как в капле воды отражается правовое положение рабочего класса в национализированном производстве.

Что же остается рабочим и их организациям? Очень узенькая полочка — право подавать голоса за того или иного депутата в советы, всецело подчиненные партии.

В деревне положение трудящихся и того хуже. Крестьяне пользуются землей бывших помещиков, князей и иных собственников. Но это благо им дала не коммунистическая власть, а революция. Они десятки лет рвались к земле, и в 1917 году, еще до формирования советской власти, они уже завладели ею. Если большевизм шел вместе с крестьянами в захвате помещичьих земель, то только потому, что победить земельную буржуазию, его соперника, иначе нельзя было. Но никоим образом из этого не следует, что грядущая коммунистическая власть собиралась наделить крестьян землею. Как раз наоборот. Идеалом этой власти является организация единого земельного хозяйства, принадлежащего все тому же господину — государству. Советские земельные хозяйства, обрабатываемые наемными рабочими и крестьянами, — вот образец, по которому комвласть стремится построить государственное земледелие по всей стране. Об этом очень ясно и просто вожди большевизма высказались значительно позже первых дней революции. В № 13 «Коммунистического Интернационала», в резолюции по аграрному вопросу (стр. 2435-2445, рус. ' изд.) даны подробные указания об организации государственного земледелия. В той же резолюции сказано, что к организации земледелия (т.е. государственно-капиталистического) надо подходить с громадной осторожностью и постепенностью. Это вполне понятно. Резкий перевод десятков миллионов крестьян из положения самостоятельных хозяев в положение наемников государства вызовет опасную бурю, могущую привести коммунистическое государство к катастрофе. Конкретное строительство ком-власти в деревне в настоящем свелось исключительно к насильственному вывозу из сел и деревень продовольствия и сырья и к борьбе с крестьянскими движениями, создавшимися на этой почве.

Политические права крестьянства. Они заключаются в обязательном создании сельских и волостных советов, всецело подчиненных партии. Больше никаких прав за крестьянами нет. Многомиллионное крестьянство любой губернии, положенное на чашу политических весов, будет перетянуто любым губернским комитетом партии. Короче, вместо прав мы констатируем самое вопиющее бесправие крестьян.

Государственный советский аппарат создан таким образом, что все руководящие нити этого аппарата находятся в руках демократии, ложно выдающей себя за авангард пролетариата.

В какую бы область государственного управления мы ни обратились, всюду на руководящих местах мы находим все того же неизменного, вездесущего демократа.

Кто руководит всеми газетами, журналами и прочими изданиями,? Люди политики, выходцы из привилегированной среды.

Кто пишет и руководит в таких центральных изданиях, претендующих на руководство мировым пролетариатом, как «Известия» ВЦИКа, «Коммунистический Интернационал» или орган центрального комитета партии? Исключительно группы строго подобранных интеллигентов-демократов.

А кем руководятся политические органы, созданные, как указывает само название, не для целей труда, а для политики, для господства? В чьих руках находится центральный комитет партии, «Совнарком», «ВЦИК» и т.д.? Всецело в руках тех, кто вырос на политике, в стороне от труда, и кто имя пролетариата произносит так, как неверующий поп произносит пустое имя бога. И в их же руках находятся все хозяйственные органы страны, начиная с Совнархоза и кончая более мелкими главками и центрами.

Мы видим, таким образом, всю социальную группу демократии, занимающей главные руководящие места в государстве.

История человечества не знает примера, когда бы определенная социальная группа, имеющая свои классовые интересы и свой классовый путь, приходила к трудящимся с целью помочь им. Нет, всегда такие группы приходят к народу с целью прибрать его к своим рукам. Группа демократии не составляет исключения в этом всеобщем социальном законе. Наоборот — самым полным и законченным образом она подтверждает его.

Если в коммунистическом государстве на некоторых руководящих постах находятся рабочие, то ведь это только на пользу рабскому строю: они придают иллюзию народности демократической власти и имеют цементирующее, скрепляющее значение в возводимом господском здании социалистической демократии. Роль их второстепенная, главным образом исполнительная. Притом за счет остальной подневольной массы они пользуются привилегиями и вербуются из так называемых «сознательных рабочих», без критики приемлющих основы марксизма и социалистическое движение интеллигенции.

Рабочие и крестьяне в коммунистическом государстве социально поработочены, экономически ограблены, политически бесправны. Но это еще не все. Встав на путь всеобщего огосударствления, большевизм неминуемо должен был наложить свою руку и на духовную жизнь трудящихся. И действительно, трудно найти страну, где бы мысль трудящихся была так абсолютно подавлена, как в коммунистическом государстве. Под предлогом борьбы с буржуазными и контрреволюционными идеями уничтожена вся пресса некоммунистического исповедания, хотя бы эта пресса издавалась и поддерживалась широкими массами пролетариата. Никто не может вслух высказывать своих мыслей. Подобно тому, как общественно-хозяйственную жизнь страны большевизм распланировал согласно своей программе, так и духовную жизнь народа он вогнал в рамки этой программы. Живое поле народной мысли, народного искательства превращено в мрачную казарму



партийной муштровки и учебы. Мысль и душа пролетариата посажены в партийную школу. Всякое стремление заглянуть за стену этой школы объявляется вредным, контрреволюционным.

Но и это еще не все. Такое искажение революции и ее перспектив, какое внес большевизм своей диктатурой, не могло пройти без протестов со стороны масс и без усилий с их стороны бороться с таким искажением. Но эти протесты привели не к ослаблению политического гнета, а к укреплению его. Открылась длительная полоса правительственного террора, превратившая всю Россию в сплошную гигантскую тюрьму, где страх стал добродетелью, ложь — обязанностью. Придавленные политическим гнетом, устрашаемые террором власти, лгут взрослые, лгут учащиеся-подростки, лгут дети 5-7 лет.

Возникает вопрос: почему же в коммунистическом государстве создалось такое невозможное положение — социальное, политическое и моральное? Неужели социалистическая демократия хуже своей предшественницы — капиталистической буржуазии? Неужели она не хочет допустить даже те обманные свободы, которыми буржуазия Европы и Америки сохраняет видимость равновесия в своих государствах? Дело здесь в ином. Хотя класс демократии и имеет свое самостоятельное бытие, материально он до последнего момента был беден, вернее нищ. В связи с этим, с первых дней своего политического выступления, он не мог найти в себе того единства и всеобщности, которые даются господствующим классам их привилегированным материальным положением. Демократия выдвинула лишь боевой партийный отряд в лице коммунистической партии, и этот отряд вынужден был в течение трех с лишним лет обходиться своими силами в громадном деле построения новой государственности. Не имея естественной опоры ни в одном из классов современного общества: ни в рабочих, ни в крестьянах, ни в дворянстве, ни в буржуазии (а сама демократия, экономически не организованная, не могла идти в счет), — коммунистическая партия естественно прибегла к террору и режиму всеобщего порабощения.

При рассмотрении террористической политики большевизма в России становится понятным, почему коммунистическая власть так открыто и поспешно размножает и закрепляет в лице компартии, верхов чиновничества и командного состава армии новую буржуазию. Последняя необходима ей как естественная почва, питающая ее живыми соками, как постоянная классовая опора в борьбе с трудовыми массами.

Все отмеченное нами коммунистическое строительство, несущее рабство рабочим и крестьянам, мы объясняем не ошибками и заблуждением большевизма, а сознательным его стремлением к порабощению масс, его господской эксплуататорской сущностью.

Спрашивается, в силу чего, однако, этой чуждой и враждебной трудовым массам группе удалось достигнуть руководства революционными силами народа, пробраться от его имени к власти, укрепить свое господство.

Этому две причины — распыленное, неорганизованное состояние масс в дни революции и обман их лозунгами социализма.

Существовавшие до 1917 года профессиональные организации рабочих и крестьян значительно отстали от кипучего революционного настроения последних. Революционный разлив масс вышел далеко за пределы этих организаций, он перерос их и оставил позади. Рабочие и крестьяне стали перед лицом развернувшейся социальной революции всей своей необъятной массой, не имея необходимой опоры и руководства в своих классовых организациях. А бок о бок с ними действовала прекрасно организованная социалистическая партия (большевики). Вместе с рабочими и крестьянами она принимала прямое участие в ниспровержении промышленной и земельной буржуазии, звала к этому массы, уверяя, что эта революция будет социальной — последней — революцией, ведущей поработенных в свободное царство социализма и коммунизма. Для широких масс, не искушенных в политике, это казалось очевидной истиной. Участие же коммунистической партии в разгроме капиталистического режима породило огромное доверие к ней. Слой работников умственного труда, являющийся носителем идеалов демократии, был всегда настолько тонок и невелик, что массы никогда не знали о его существовании в целом, как об определенной экономической категории. Они поэтому в момент низвержения буржуазии не видели никого, кроме самих себя, кто бы мог занять место последней. На самом же деле это место целиком занял их случайный и обманчивый руководитель — большевизм, искушенный в политической демагогии.

Эксплуатируя без зазрения совести революционные устремления рабочих и крестьян к свободе, равенству и социальной независимости, большевизм с тонким мастерством подменил их идеей советской власти.

Во многих местах революционной России в первые дни октябрьского переворота трудящиеся идею советской власти приняли как идею их местного общественно-экономического самоуправления.

Благодаря огромной энергии и демагогическому смещению революционной идеи трудящихся со своей политически властнической идеей большевизм приблизил к себе массы и широко использовал их доверие.

Беда масс была в том, что они приняли учение социализма и коммунизма целно и просто, так, как народ всегда принимает идеи правды, справедливости и добра. Между тем в этих учениях[6]\* правда являлась лишь внешней приманкой, красивым, волнующим душу народа обещанием. Главное же в них, как и в прочих государственных системах, является захват и закабаление народных сил и народного труда небольшой, но хорошо организованной группой тунеядцев.

В вихре совершавшихся в России и на Украине событий, в массе политических, военных и иных операций факт восхождения к власти новой эксплуататорской группы первое время не улавливался отчетливо широкой народной массой. Потому что самый факт этот для своего окончательного завершения требует несколько лет времени. Он, кроме того, растянут в пространстве и искусно прячется заинтересованной группой. Нужно известное время, чтобы он стал открытым для широких масс.

Во время великой французской революции, когда решительно был разрушен феодализм — монархия королей и дворян, — массы думали, что это великое разрушение они делают во имя своей свободы и что руководящие политические партии являются в этом деле не более, как их друзьями и помощниками. Лишь по прошествии нескольких лет трудовой народ, осмотревшись, увидел, что произошла только смена властей, что место дворян и короля заняло новое господское эксплуататорское сословие — промышленная и торговая буржуазия. Такие исторические факты всегда требуют известного времени, чтобы стать открытыми и понятными широким массам.

В общих чертах мы представили политическую и социальную сущность большевизма, его действительное нутро. За первые полтора года своей диктатуры в России он вполне его выявил. Оно стало ясным вначале для отдельных групп рабочих и крестьян, а затем и для широких масс. И вот эта молодая, полная властнических желаний сила после крушения гетмана вновь устремляется на Украину с непреклонным решением овладеть в ней властью во что бы то ни стало.

Во время скоропадчины большевики в самой Украине не имели достаточно сил, которые смогли бы организовать немедленный захват власти в момент падения гетмана<sup>1</sup>. Почти все силы их были в Великороссии, и они оттуда наблюдали за Украиной, подстерегая момент, когда можно будет двинуться в нее и провозгласить свою власть. Там же, в Великороссии, в городе Курске, проживало их заранее приготовленное правительство, в лице Пятакова, Квирина и других. Но как зорко ни следили они за Украиной, им не удалось попасть туда в момент свержения Скоропадского, благодаря чему власть первыми захватили петлюровцы. Но это же обстоятельство тем энергичнее заставило их действовать в военном порядке. Атмосфера была революционной, обстановка до крайности перепутана массовым повстанческим движением крестьян. В этих условиях шесть недель времени, выигранных петлюровцами, могли потонуть в ходе событий. Надо лишь спешить действовать. И большевики спешили с действиями.

И в то время, когда их сидевшее в Курске правительство переехало в Харьков, впервые освобожденный и занятый повстанческим отрядом анархиста Череднякова, и приступило там к созданию центра гражданской власти, дивизии их продвигались по освободившимся уже районам в глубь Украины и в военном порядке учреждали органы коммунистической власти. Мы сказали — освободившиеся районы. Действительно, все пространство Украины от Курской губернии до Азовского и Черного морей было уже освобождено от гетманской власти революционными повстанческими отрядами крестьян. С падением гетмана эти отряды частью разбрелись по деревням, а частью ушли к побережью Азовского моря, откуда надвигалась уже новая контрреволюция генерала Деникина.

В большей части Украины большевики приходили на готовое. Там же, где они сталкивались с петлюровцами, они разбивали последних военной силой и занимали их места. Решающее столкновение большевиков с петлюровцами произошло в районе Киева, который с момента въезда туда Директории стал центром политической деятельности петлюровцев, средоточием их войск. В конце января 1919 года большевики повели генеральное наступление на Киев. В начале февраля Киев был занят ими. Правительство народной украинской республики отступило, по обыкновению, на западные границы Украины.

Государственная власть оказалась у большевиков.

Следует отметить при этом, что как там, где большевики боем занимали местности, изгоняя из них петлюровцев, так там, где район был свободен и крестьянство жило само, коммунистическая власть устанавливалась военным порядком. Советы рабочих и крестьян, якобы создавшие эту власть, появились задним числом, после того, как власть уже укрепилась. До них были партийные политические ревкомы. А до ревкомов были просто военные дивизии.

---

Версия #1

██████████ ██████████ создал 4 апреля 2025 13:13:20

██████████ ██████████ обновил 4 апреля 2025 13:14:23